

ТЭРЭЛЖИЙН-ДУРВУЛЖИН И ДРУГИЕ ХУННСКИЕ ГОРОДИЩА В МОНГОЛИИ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Н.Н. Крадин, А.Л. Ивлиев, С.А. Васютин, Е.В. Ковычев,
А.В. Харинский, Л. Эрдэнэболд

В статье рассматриваются материалы городища Тэрэлжийн-дурвулжин и других аналогичных памятников хуннского времени с валами и платформами. Обобщены данные письменных источников об оседлости и городах хунну. Изложены результаты исследований памятника Тэрэлжийн-дурвулжин, осуществлённых российско-монгольской экспедицией в 2015—2016 гг., отмечаются конструктивные особенности изученной

постройки на платформе № 4, анализируются материалы других городищ империи Хунну. В заключении обсуждается вопрос о функциональном назначении хуннских городищ в Монголии, предлагается версия о том, что это могли быть заупокойные храмы, построенные в честь представителей хуннской элиты.

Ключевые слова: археология, хунну, Монголия, Тэрэлжийн-дурвулжин, городище, город.

Крадин Николай Николаевич, член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия; научный руководитель лаборатории археологии, этнологии и антропологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

E-mail: kradin@ihaefe.ru

Ивлиев Александр Львович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора раннесредневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

E-mail: ivliev@mail.primorye.ru

Васютин Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

E-mail: vasutin2012@list.ru

Kradin Nikolay Nikolayevich, Corresponding Member of RAS, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia; Head of Laboratory of Archaeology, Ethnology, and Anthropology, Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, SB RAS, Ulan-Ude, Russia.

Ivliev Alexandr Lvovich, PhD, Head Research Fellow, Department of Early Mediaeval Archaeology, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

Vasyutin Sergey Alexandrovich, Dr.Sc., Professor, Department of World History and International Relations, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии». Выражаем свою благодарность У. Бросседер (Боннский университет) за помощь в получении датировки городища Тэрэлжийн-дурвулжин.

Ковычев Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Забайкальского государственного университета, Чита, Россия.

E-mail: kovychevevgenyi@mail.ru

Kovychev Evgeniy Viktorovich, PhD, Associate Professor, Department of History, Transbaikalia State University, Chita, Russia.

Харинский Артур Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии Иркутского национального исследовательского технического университета, Иркутск, Россия.

E-mail: kharinsky@mail.ru

Kharinsky Artur Viktorovich, Dr.Sc., Professor and Head of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology, and Subsystem of Northern Asia Peoples, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia.

Эрдэнэболд Лхагвасурэн, кандидат исторических наук, профессор Монгольского государственного университета наук и технологий, Улан-Батор, Монголия.

E-mail: erdene_ethnology@yahoo.com

Erdenebold Lhagvasuren, PhD, Professor of Mongolian State University of Science and Technology, Ulaanbaatar, Mongolia.

Во времена империи Цинь о хунну говорили, что они «не имеют для жительства городов, обнесённых внешними и внутренними стенами». При отсутствии запасов не было и необходимости их защищать. Кочуя с места на место, хунну «легко поднимались словно птицы», поэтому «их трудно прибрать к рукам» (Таскин 1968: 34, 112). Однако создание шаньюем Модэ империи Хунну и его военно-политические успехи привели к миграциям в монгольские степи ханьского населения — сторонников Цинь и других китайских царств, недовольных возвышением Хань (Таскин 1968: 41—42; Крадин 2020: 99). Состав китайских общин пополнялся захваченными во время набегов на Поднебесную пленными, а также военными частями, переходившими на сторону кочевников (Таскин 1968: 42—43, 47). Таким образом, уже в первые десятилетия существования Хуннской империи в степях скопилось большое количество выходцев из Китая, что было решающим фактором появления оседлых поселений.

Впоследствии, в периоды вторжений хунну в пограничные провинции империи Хань, в плен к кочевникам попадали тысячи жителей Поднебесной (Таскин 1968: 51—53, 60, 79, 81—82, 89; 1973: 20, 25, 29 и др.). По самым приблизительным подсчётам, номады, например, только за столетие — с 166 по 60 гг. до н.э. — пленили около 150 тыс. чел. (Крадин 2020: 97—100, 159—161). Также известны случаи сдачи в плен китайских военачальников (Чжао Синь, Ли Лин, Эршиский) и воинов (Таскин 1968: 53, 59, 61, 110; 1973: 19, 21). В целом, судя по последним палеогенетическим данным, Хуннская держава была по-настоящему многонациональной, в её состав входили тюрко-монгольские номады, потомки номадов с иранскими корнями, выходцы из китайских царств, представители других народов (Jeong et al. 2020).

Однако стоит отметить, что, несмотря на категоричность тезиса об отсутствии городов, при внимательном изучении китайских хроник всё-таки можно найти некоторые сведения о наличии их у хунну или же о планах строительства (Таскин 1968: 68, 91, 155, прим. 30, 165, прим. 30; 1973: 23—24, 137, прим. 19). В ханьских источниках упоминаются два хуннских «города». Первый из них — Туйдан, расположенный где-то в землях хунну. Сведения о нём относятся приблизительно к началу — первой трети II в. до н.э. (Таскин 1968: 68, 155, прим. 30). Второй, находившийся предположительно на юге Хангайского хребта, носил имя Чжао Синя (г. Чжаосинь у горы Тяньяньшань) — китайского военачальника, ставшего после сдачи в плен к хунну советником шаньюя Ичисе. В Чжаосине хранились «запасы зерна сюнну», которые были захвачены в 119 г. до н.э. ханьским полководцем Вэй Цином. Накормив войска, он сжёг остатки зерна (Таскин 1968: 91, 165, прим. 30). Соотнести эти «города» с выявленными городищами пока не удалось.

Вопрос о строительстве городов был поднят при шаньюе Хуаньти (Хуаньди, 68—60 гг. до н.э.). Хунну опасались походов ханьских войск, вследствие чего советник Вэй Люй стал уговаривать шаньюя копать колодцы, возводить «окружённые стенами города», сооружать башни для хранения зерна и, в случае нападения Китая, «оборонять города совместно с циньцами» (так называли китайцев, разместившихся во владениях хунну). В степях начались строительные работы, были выкопаны «несколько сот колодцев», «срублено несколько тысяч деревьев», но в самый разгар создания укреплений шаньюя смог переубедить другой советник. Он сказал, что хунны не умеют оборонять города и в случае нападения «подарят зерно Хань». Поэтому Вэй Люй прекратил постройку (Таскин 1973: 23—24, 138, прим. 24). Можно также предположить, что отдельными функциями города обладала *оуто* — ставка и военный лагерь шаньюев (Таскин 1968: 39, 131—132, прим. 91; 1973: 24).

В XX в. данные письменных источников о городах хунну нашли подтверждение благодаря археологическим исследованиям. На настоящий момент известно более 20 поселений и городищ хунну на территории Монголии и Западного Забайкалья (Киселёв 1957; Пэрлээ 1957, 1961; Шавкунов 1972; Hayashi 1984; Давыдова 1985, 1995; Давыдова, Миняев 2003; Данилов 2004; Данилов и др. 2011; Danilov 2011; Эрэгзэн и др. 2014; Данилов и др. 2016; Коновалов и др. 2016; Ramseyer 2016; Анхбаяр 2017; Ивлиев и др. 2017; Крадин и др. 2018; Miller et al. 2019 и др.). Среди них представлены памятники разных типов. Во-первых, это открытые поселения различных размеров — от небольших хуторов из нескольких жилищ, подобных Бороо в Северной Монголии (Pousaz et al. 2013; Ramseyer 2016), до протянувшихся на километры больших поселений, таких как Дурены в Забайкалье (Давыдова, Миняев 2003). Они концентрируются в бассейне р. Селенги, где много территорий, благоприятных для занятия земледелием. Во-вторых, небольшие крепости с жилищными комплексами внутри. На настоящий момент известно одно такое городище — Баян-Ундэр в Забайкалье, которое было

интерпретировано как «резиденция наместника» (Данилов 1998, 2011). В-третьих, защищённые валами земледельческо-ремесленные центры.

На сегодняшний день у хунну известен только один настоящий город — Иволгинское городище. Несмотря на сильно оплывшие валы и в принципе небольшие размеры (примерно 200×300 м), здесь проживало несколько тысяч человек, прослеживаются улицы и скученная застройка (Крадин и др. 2016). На территории городища обнаружены многочисленные жилища с канами, хозяйственными и мусорными ямами. Большое число находок подтверждает, что местные жители занимались земледелием (основная культура — просо (Сергусева и др. 2020)), животноводством, ремеслом, ловили рыбу и иногда охотились. Среди домашних животных преобладали свиньи, крупный рогатый скот, собаки; доля костей овец и коз, характерных для состава стад номадов, в материалах раскопок не превышала 26%. Выделяется 4—5 социальных рангов жителей городища. В числе артефактов (керамика, орудия труда) встречаются ханьские изделия. На ряде гончарных сосудов зафиксированы иероглифы. Раскопки синхронного некрополя подтвердили, что в составе населения присутствовали выходцы из Китая (Давыдова 1985, 1995, 1996; Крадин 2020: 85—88).

Если согласиться с существующими в археологии представлениями о городах как об укрепленных поселениях с высокой плотностью населения и разнообразными, главным образом несельскохозяйственными, функциями (применительно к степным империям — нескотоводческими), то, разумеется, с многочисленными оговорками (Cowgill 2004; Renfrew 2008; Smith 2016), следует признать, что Иволгинское городище соответствует всем признакам настоящего города.

Какое место занимали подобные городища в структуре кочевых империй? Ответ на этот вопрос даёт описанный в китайских источниках случай с Сяньбийской степной империей, возникшей во II в. н.э. на обломках Хуннской державы. Её основатель Таньшихуай был обеспокоен нехваткой продовольствия. По этой причине он приказал переселить «с востока» в район Лаохахэ около 1000 семей народа вожэнь, занимавшегося рыболовством, чтобы они своим промыслом восполнялиномадам недостаток пищи (Таскин 1984: 80, 331). Помимо пленных ремесленников и земледельцев, у сяньби было немало иммигрантов из Китая. Именно благодаря им первоначальный ввоз металлического оружия контрабандным способом из Поднебесной в III в. был заменён собственным производством предметов вооружения из металла (Таскин 1984: 78, 324).

Подобные факты подтверждают, что кочевники нуждались в продуктах земледелия и ремесла. Всё это можно было получать различными способами: развитием собственного земледелия, мирной торговлей с соседями, набегами и грабежами и т.д. Однако только кочевые империи обладали силой концентрировать большие массы ремесленников и земледельцев на своей территории. В ограниченных размерах ведение земледелия было возможно в основном около больших рек, таких как Селенга, Орхон, Тола и др.

Население формировалось из угнанного в полон земледельческого населения и из мигрантов, которые бежали по тем или иным причинам в степь.

Наконец, у хунну существовал ещё один тип городищ, назначение которых вызывает многочисленные споры. Они локализируются в двух местах — в историческом центре Монголии, в долине Орхона, а также в долине Керулена (Байшинтийн-дэрс, Барс-хот-2, Бурхийн-дурвулжин, Гуа-дов, Тэрэлжийн-дурвулжин, Ундур-дов и др.). Из них наиболее изученным является городище Гуа-дов в долине р. Керулен. Раскопки выявили наличие здесь деревянных стен, построенных в два ряда (в виде галереи) и крытых двускатной черепичной крышей, а также массивных ворот, через которые могли проезжать повозки. Ворота были сооружены по подобию аналогичной конструкции в ханьской столице Чанъани. В центре находилось здание на платформе с черепичной крышей. По мнению исследователей, здесь располагался сезонный дворец одного из предводителей хуннской аристократии конца II в. до н.э. — I в. н.э. (Эрэгзэн и др. 2014; см. также статьи Г. Эрэгзэна и других монгольских коллег в этом номере журнала).

Похожий на Гуа-дов памятник меньшего масштаба — Тэрэлжийн-дурвулжин — исследовался нашей экспедицией в 2015—2016 гг. Он расположен в долине р. Тэрэлж, притока Керулена, имеет подквадратную форму размерами 226—227×221 м. На городище имеется вал разной степени сохранности шириной до 12 м и высотой до 1,5—2 м снаружи и до 0,6 м изнутри. С его внешней стороны находится ров шириной от 2 до 4 м и глубиной 0,2—0,3 м. В углах валов расположены фундаменты башен, наиболее чётко выделяющиеся в трёх из них — северо-западном, северо-восточном и юго-восточном. В центральной части каждого вала имеются разрывы с перемычками во рвах напротив ворот (рис. 1).

На территории памятника располагались платформы разных размеров, при этом более крупные из них — № 1 (максимальная высота — 185 см) и № 2 (180 см) — были связаны своеобразными «дорожками», напоминающими вал шириной до 10 м, с платформами меньшего размера — № 4 и 3 (от платформы № 1 шла «дорожка» к № 4, а от платформы № 2 — к № 3). В ходе раскопок 2007—2008 гг. было выявлено, что «дорожка» проходила вокруг платформы № 1, а только потом вела к платформе № 4. С юго-запада к платформе № 1 примыкали дополнительные конструкции в виде двух «усов» (рис. 2). Какие-либо признаки, позволявшие охарактеризовать назначение платформ, отсутствовали.

Нашим исследованиям предшествовали совместные работы коллег из Бурятии и Монголии, инициатором которых выступил С.В. Данилов (Данилов 2011; Данилов и др. 2011). Ими была изучена платформа № 1. Поскольку результаты дали больше вопросов, чем ответов, мы совместно с монгольскими коллегами решили продолжить изучение памятника. Раскопки осуществлялись в 2015—2016 гг. Нами была исследована платформа № 4 (раскопы № 3 и 4 общей площадью 252 кв. м). Раскоп № 3 имел квадратную форму 12×12 м и был разбит на 4 сектора (I, II, III, IV — 2015 г.) размером 6×6 м

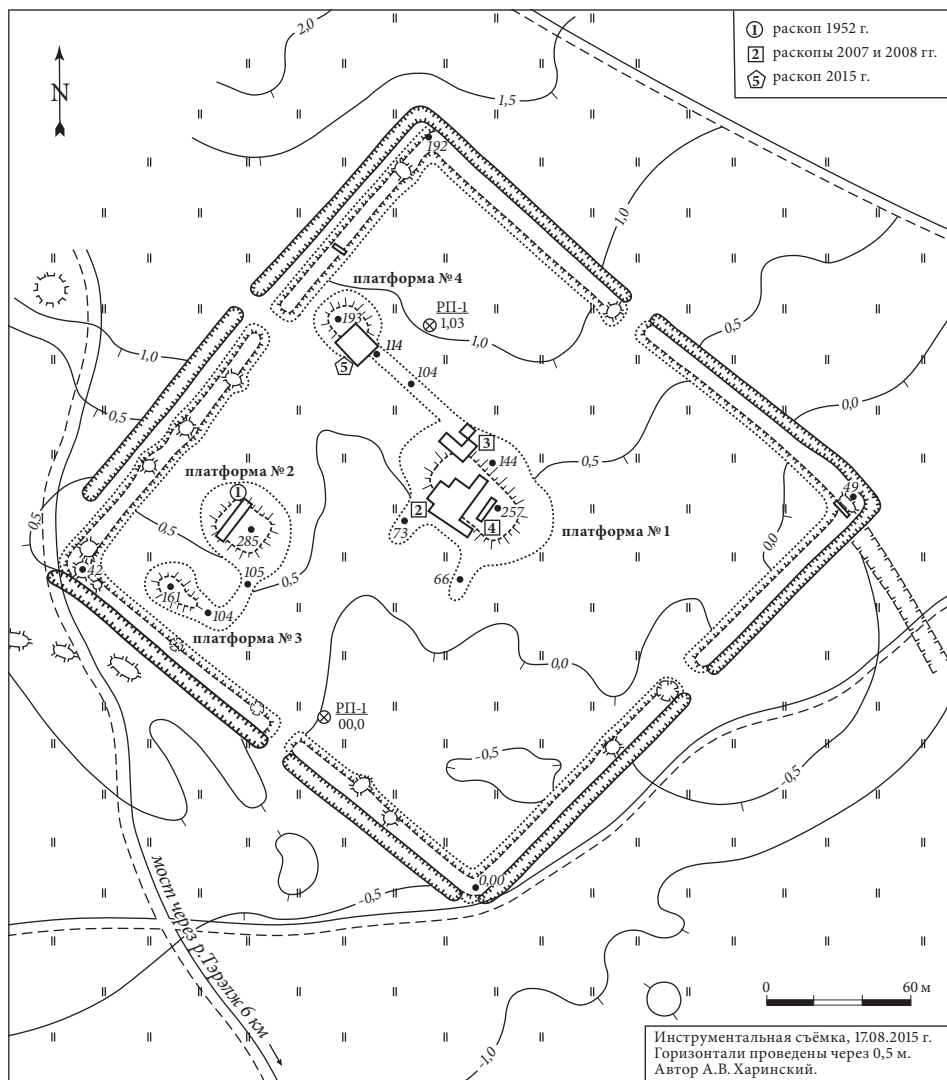

Рис. 1. План памятника Тэрэлжийн-дурвулжин

каждый. Раскоп № 4 примыкал к № 3 с северо-запада и состоял из 3 секторов 6×6 м (VI, V, IV — 2016 г.), вытянутых в прямоугольник 18×6 м (рис. 3).

В ходе разбора пластов обнаружено 70 532 фрагмента кровельной черепицы общим весом 4023,5 кг. Среди находок также представлено 68 фрагментов кирпича общим весом 21,92 кг. В пласте 1 сектора IV раскопа 2015 г. обнаружено железное шило. Других следов жизнедеятельности человека в раскопе и на дневной поверхности памятника не выявлено.

Вся найденная черепица делилась на плоскую (нижняя по своему положению на крыше) и желобчатую (верхняя, накрывающая стыки между плоскими черепицами). Разновидностью последней является фронтальная черепица с концевым диском на нижнем торце, украшавшая край кровли. Наиболее информативны желобчатая черепица и концевые диски.

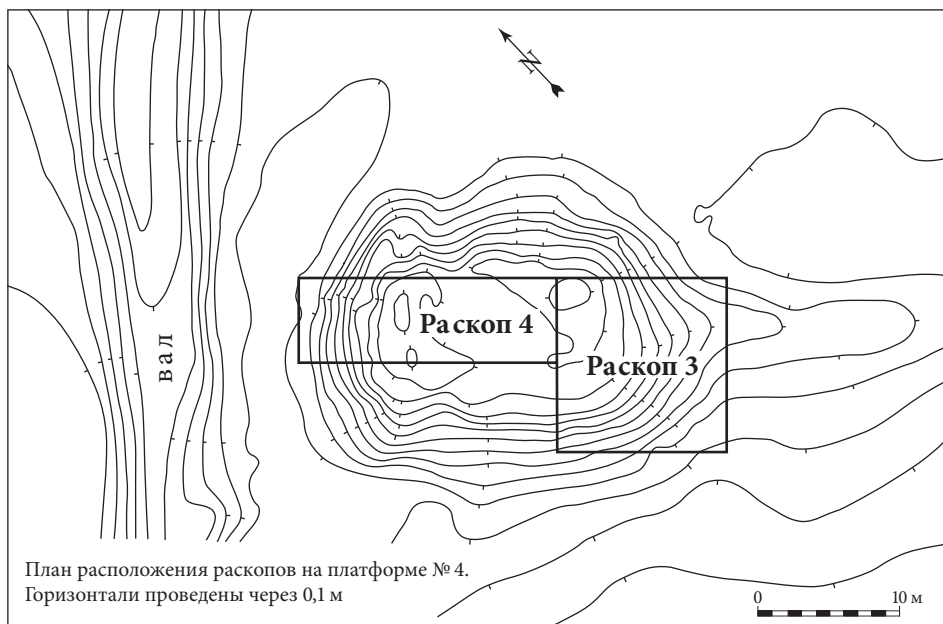

Рис. 2. Раскопы № 3 (2015 г.) и № 4 (2016 г.) на платформе 4

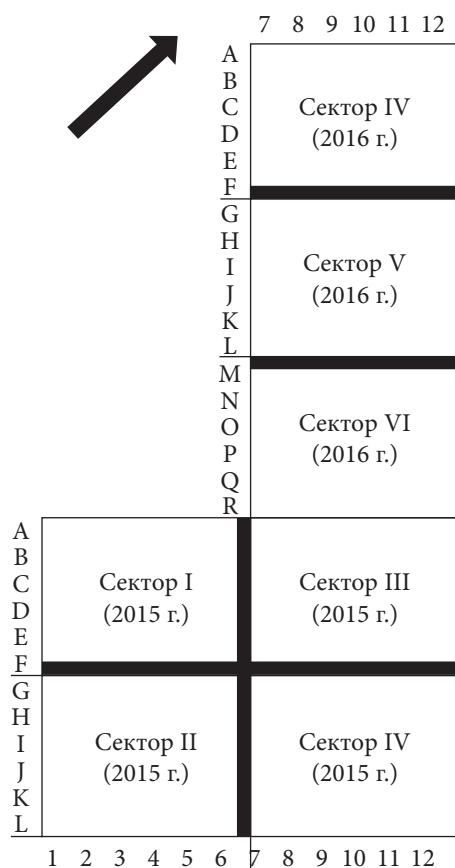

Рис. 3. План-схема раскопов № 3 (2015 г.) и № 4 (2016 г.)

В частности, на внешней поверхности ряда экземпляров такой черепицы, на выпуклой стороне стыковочного уступа, ещё по сырой глине прочерчивались волнистые линии. Они не были видны на кровле, поскольку рисунок на стыковочном выступе скрывался под наложенной сверху на выступ черепицей. Аналогично, прочерченный прямолинейный и волнистый декор не будет виден и на плоских черепицах, так как они выкладываются на крышу выпуклой стороной вниз. Всё это заставляет полагать, что прямые и волнистые линии на черепице не имели декоративной функции, а, скорее всего, служили оберегом, подобно такому же орнаменту на сосудах хунну.

В ходе работ на раскопах № 3 и 4 найдено около 50 фрагментов концевых дисков, в том числе несколько полностью сохранившихся экземпляров. С лицевой стороны они покрывались орнаментом. Традиция использования концевых полудисков и дисков появилась в Китае в IX—VII вв. до н.э. и сохраняется в архитектуре Восточной Азии по настоящее время (Крюков и др. 1983). В процессе изучения материала было выявлено шесть вариантов декора, при этом четыре из них присутствовали на концевых дисках, найденных во время раскопок платформы № 1 сотрудниками российско-монгольской экспедиции в 2007—2008 гг. (Данилов и др. 2011: 41—44).

Декор концевых дисков выполнен хорошо в традициях черепичного ремесла Китая. Общие принципы его нанесения путём оттискивания на диск с шаблона, композиции — деление радиальными валиками на четыре сектора, исполнение рисунка в очень низком рельефе — характерны как для черепицы из городища Тэрэлжийн-дурвулжин, так и для концевых дисков Китая времён Восточного Чжоу, Чжаньго и Хань (VIII в. до н.э. — III в. н.э.). Сравнение тэрэлжинских дисков с экземплярами из Лояна показывает, что по таким особенностям, как низкий рельеф валиков, деление на сектора одинарными валиками, низкий и узкий внешний бордюр, они близки к лоянским дискам времени Восточного Чжоу — начала Западной Хань, т.е. IV—II вв. до н.э. Однако на дисках из Китая нет декора, полностью совпадающего с тем, что есть на образцах из Тэрэлжийн-дурвулжина. Отличиями являются также оттискивание декора с деревянного, а не керамического, как в Китае, шаблона, и наличие квадратного углубления в центре.

Последние два признака тесно связаны между собой. Как верно предположили авторы статьи о черепице из раскопок Тэрэлжин-дурвулжина 2007—2008 гг., «сами диски могли изготавливаться на гончарном круге, который имел резной орнамент, негативную проекцию которого мы наблюдаем на изделиях. К тому же, на большинстве днищ хуннских сосудов имеются квадратные или подпрямоугольные оттиски от оси, выступающей над плоскостью гончарного круга» (Данилов и др. 2011: 45). Очевидно, что в случае с черепицей, найденной на памятнике Тэрэлжийн-дурвулжин, на китайское черепичное ремесло наложилась местная гончарная традиция, в результате чего специфический для хуннского гончарства круг стал применяться и как шаблон для оттискивания декора на диск в ходе изготовления цилиндрической заготовки желобчатой черепицы. Видимо, хуннские мотивы

оказались и среди сюжетов декора дисков. В этом отношении примечательно, что встречающаяся на дисках S-образная фигура, соединённая линией с центральным кругом, есть и на тамге, и на игровой кости из хуннского погребения — могильника Гол Мод-2 (Erdenebaatar et al. 2015: 91, 224).

На датировку тэрэлжинской черепицы отчасти указывает технология её изготовления. Важным признаком здесь является отсутствие оттисков ткани на вогнутой поверхности. Это свидетельствует о том, что цилиндрические заготовки формовались без обёрнутого тканью усечённо-конического шаблона — скорее всего, из глиняных лент вручную, а после высыхания разрезались либо надрезались и по данной линии разламывались на отдельные черепицы. Такая технология была распространена в Древнем Китае доханьского времени, т.е. до II в. до н.э. Особенности оформления декора тэрэлжинских дисков (низкий и узкий бордюр) сближают их с дисками Восточного Чжоу и раннего периода Западной Хань III—I вв. до н.э. Следует отметить, что такая датировка соответствует полученной в ходе раскопок калиброванной (intCal13) радиоуглеродной дате 355—47 гг. до н.э. Более детальная характеристика черепицы и иллюстрации представлены в других наших публикациях (Ивлиев и др. 2017, 2018; Крадин и др. 2018).

Исследование платформы № 4 позволило в общих чертах реконструировать конструкцию здания. Вход в него располагался с юго-восточной стороны, куда примыкала дорожка, идущая от платформы № 1. Основу здания составила глинобитная площадка (собственно древняя платформа), края которой, возможно, были укреплены и облицованы кирпичами. Кирпич использовался именно как крепёжный элемент конструкции, о чём свидетельствует нахождение большей части его фрагментов, в том числе и наиболее полных, в 6-ом пласте сектора II у самого края платформы (квадраты Н-3, 4, 5, I-2, 3, 4, J-2, 4, К-3), а также в квадратах этого же сектора к юго-востоку от платформы, куда кирпич мог попасть в результате разрушения кладки. Показательно, что в секторах I и III (2015 г.), а также IV—VI кирпичи либо не были зафиксированы, либо были представлены немногочисленными небольшими фрагментами, вес которых не превышал 0,1 кг. Перекрытие здания держалось на столбовых конструкциях, о чём свидетельствует находка столбовой ямы в секторе IV (2015 г.) с левого края от дорожки, если стоять лицом к входу в здание. Основное направление развала крыши (по верхним слоям) — южная, юго-юго-западная сторона сектора II. По насыщенности фрагментами черепицы (пласт 2) особенно выделяются примыкающие к западной бровке квадраты. По всей видимости, это стало результатом разрушения здания на платформе, одна часть крыши которого заваливалась в юго-западном направлении, а другая, если судить по насыщенности черепицей сектора IV (2016 г.), — в северо-западном. При этом следов пожара не отмечено.

Несмотря на присутствие фортификационных укреплений и платформ на территории памятника, отнести его к таким типам поселений, как городище и город, не представляется возможным из-за отсутствия типичных

для этих археологических объектов следов жизнедеятельности человека: жилищ, костей животных, предметов ремесла, оружия, керамики, хозяйственного инвентаря и других артефактов. Собственно говоря, при наличии зданий на платформах (вероятно, схожие архитектурные постройки располагались и на других платформах Тэрэлжийн-дурвулжина), отсутствует культурный слой — главное свидетельство пребывания на той или иной территории человеческих сообществ.

Возникшее у нас по ходу раскопок предположение, что платформы представляли собой надмогильные конструкции, также не подтвердилось. Хотя в секторах IV—V раскопа № 4 в 2016 г. была зафиксирована грабительская яма, можно полагать, что попытка «ограбления» была осуществлена ещё в древности, а не в XVIII—XIX вв. бугровщиками.

В 2017 г. в Улан-Баторе состоялась конференция «Города древних кочевников», на которой были рассмотрены результаты изучения хуннских городищ, интенсивно исследуемых в последнем десятилетии. В процессе обсуждения докладов были высказаны самые разнообразные точки зрения касательно функциональной роли данных памятников: резиденция шаньюев, летняя ставка хуннских правителей, место осуществления религиозных ритуалов и др. Вопрос о назначении подобных археологических комплексов на территории Монголии остаётся открытым и требующим дальнейшего исследования.

Всё вышеизложенное прямо относится и к представленным в этом журнале статьям наших монгольских и китайских коллег. Ключевой вопрос заключается в том, что на указанных памятниках найдены платформы с остатками строений с черепичной крышей. Все обнаруженные артефакты — это почти исключительно строительные материалы (нижняя и верхняя черепица, концевые диски, кирпичи). На городище Гуа-дов, как это показано в статье Г. Эрэгзэна и в других публикациях монгольско-корейской экспедиции (см., например: Эрэгзэн и др. 2014 и др.), исследованы и реконструированы ворота и деревянные стены, покрытые черепичной крышей, выполненные в традиционном для Китая и других стран Дальнего Востока стиле. Однако кроме строительных материалов, никаких других артефактов (даже керамики), остатков потребления пищи, ритуальной тризны и других свидетельств активной жизнедеятельности человека не зафиксировано. Культурный слой на этих памятниках практически отсутствует.

По этой причине данные городища нельзя интерпретировать как сезонные стоянки хуннской элиты. Также сомнительно, что они являлись религиозными сооружениями. У хунну бытовал культ Неба и Земли, и они, скорее, поклонялись естественным объектам (подобно *обо*). Конечно, интересно было бы связать факт наличия заброшенных хуннских городов с упомянутой нами в начале статьи попыткой строительства городов при шаньюе Хуяньди в середине I в. до н.э. Однако хуннские городища не выглядят мощными крепостями, способными противостоять большим китайским армиям.

Остаётся открытым вопрос о том, все ли городища хуннского времени на территории Монголии не содержат культурного слоя (помимо построек на платформах), как рассматриваемые в статьях этого номера журнала памятники. Не найдены пока аграрно-ремесленные центры, аналогичные Иволгинскому городищу и «городу Чжаосинь» из письменных источников, где хранилась запасы зерна, а значит, его жители были тесно связаны с аграрным производством. Пока на территории Монголии открыто лишь одно небольшое хуннское поселение Бороо (Pousaz et al. 2013; Ramseyer 2016), которое по полученным материалам может быть сопоставимо с известными хуннскими памятниками на территории России.

Возможно, несколько более убедительной выглядит наша рабочая версия (Крадин и др. 2018), согласно которой это могли быть, например, заупокойные храмы, построенные в честь представителей хуннской элиты — шаньюев и других знатных лиц. В качестве аналогии можно сослаться на Кошо-Цайдамские храмы, которые были воздвигнуты в честь тюркских каганов. По всей видимости, и хунну, и тюрки опасались, что в будущем могилы политических лидеров могут быть осквернены врагами. По этой причине погребения были совершены с такой степенью предосторожности, что они не обнаружены до сих пор. В то же самое время для совершения поклонений усопшим лидерам были построены специальные заупокойные храмы, где можно было проводить обряды и поминовения. Косвенно на возможность этого указывают датировки — исследованное нами городище Терэлжийндурвулжин было построено в ранний период империи Хунну — эпоху «великих шаньюев». Правда, семантику попарных платформ, крытых галькой дорожек, особенности и места поминальных ритуалов ещё предстоит разгадать.

ЛИТЕРАТУРА

- Анхбаяр Б. 2017. Хуннское поселение в Заан Хошуу. *Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии*. Отв. ред. П.Б. Коновалов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 90—100.
- Давыдова А.В. 1985. *Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье*. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Давыдова А.В. 1995. *Иволгинский археологический комплекс. Т. I. Иволгинское городище*. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Давыдова А.В. 1996. *Иволгинский археологический комплекс. Т. II. Иволгинский могильник*. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Давыдова А.В., Миняев С.С. 2003. *Комплекс археологических памятников у с. Дурёны*. СПб.: Фонд «Азиатика».
- Данилов С.В. 1998. Раскопки здания на хуннском городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия. *Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии*. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, 111—114.
- Данилов С.В. 2004. *Города в кочевых обществах Центральной Азии*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Данилов С.В. 2011. Городища хунну Монголии и Забайкалья (к вопросу о функциональном предназначении поселенческих комплексов хунну). *Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история*. Ред. П.Б. Коновалов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 15—30.
- Данилов С.В., Симухин А.И., Цыденова Н.В. 2011. Черепица из хуннского

- городища Тэрэлжин-Дэрвэлжин (Центральный аймак Монголии). *Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история*. Ред. П.Б. Коновалов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 30—51.
- Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Очир А., Эрдэнэболд Л. 2016. Города эпохи хунну на востоке Монголии. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология*. Т. 17, 74—93.
- Ивлиев А.Л., Крадин Н.Н., Харинский А.В., Очир А., Васютин С.А., Ковычев Е.В., Эрдэнэболд Л. 2017. Предварительные результаты исследований хуннского городища Тэрэлжийн-Дурвулжин. *Теория и практика археологических исследований*. № 2, 118—136.
- Ивлиев А.Л., Крадин Н.Н., Васютин С.А. 2018. Черепица городища Тэрэлжин-Дэрвэлжин, Монголия (по материалам раскопок 2015 г.). *Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*. Т. 20, 134—146.
- Киселёв С.В. 1957. Древние города Монголии. *Советская археология*. № 2, 91—101.
- Коновалов П.Б., Базаров Б.А., Миягашев Д.А., Клементьев А.М., Именохоев Н.В. 2016. Хуннская археология в Бурятии: история и новый этап исследований. *Вестник БНЦ СО РАН*. № 1, 9—26.
- Крадин Н.Н. 2020. *Империя Хунну*. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Издательство Олега Абышко.
- Крадин Н.Н., Бессонова Е.А., Зверев С.А. 2016. Новые данные о планиграфии Иволгинского городища. *Вестник БНЦ СО РАН*. № 2, 9—21.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Васютин С.А. 2018. Империя Хунну и начала степной урбанизации. *Труды ИВ РАН. Вып. 7. Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры*. М.: ИВ РАН, 226—240.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. 1983. *Древние китайцы в эпоху централизованных империй*. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы.
- Пэрлээ Х. 1957. К истории древних городов и поселений Монголии. *Советская археология*. № 3, 43—53.
- Пэрлээ Х. 1961. *Монгол ард улсын эрт, дундан ууийн хот суурины товчоон* = Краткий очерк древних и средневековых городов и поселений на территории Монголии. Улаанбаатар.
- Сергушева А.А., Прокопец С.Д., Крадин Н.Н. 2020. Земледелие населения северной части империи хунну: археоботанические исследования на Иволгинском городище (предварительные результаты). *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре*. Т. II. Самара: СГСПУ, 354—355.
- Таскин В.С. 1968. *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*. Вып. 1. М.: Наука.
- Таскин В.С. 1973. *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*. Вып. 2. М.: Наука.
- Таскин В.С. 1984 (перев.). *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху*. М.: Наука.
- Шавкунов Э.В. 1973. Обследование гуннских городищ в Монголии. *Археологические открытия 1972 г.* М.: Наука, 506—507.
- Эрэгзэн Г., Баярсайхан М., Алдармөнх П. 2014. «Гуа дов» хэмээх Хүннүгийн хотын турьд хийсэн археологийн малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс = Предварительные результаты археологических исследований хуннуского городища Гуа-дов. *Монголын археологи — 2013 он: ШУА-ийн археологийн хүрээлэнгийн 2013 оны хээрийн судалгааны үр дүн* = Археология Монголии — 2013: результаты полевых исследований Института археологии Академии Наук Монголии в 2013 году. Улаанбаатар, 42—47.
- Cowgill G. 2004. Origins and Development of Urbanism: Archaeological Perspectives. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 33, 525—549.
- Danilov S.V. 2011. Typology of Ancient Settlement Complexes of the Xiongnu in Mongolia and Transbaikalia. *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Ed. by U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie. Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 129—136.
- Erdenebaatar D., Iderkhangai T., Mijid-dorj E., Orgilbayar S., Batbold N., Galbadrakh B., Maratkhaan A. 2015. *Investigation*

- of Xiongnu elite burials Gol Mod-2 at Balgasyn Tal. Ulaanbaatar (in Mongolian).
- Hayashi Toshio 1984. Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu. *Bulletin of the Ancient Orient Museum*. Vol. 6, 51–92.
- Jeong Choongwon, Wang Ke, Wilkin S., Erdene M., Hendy J., Warinner Ch. 2020. A Dynamic 6,000-Year Genetic History of Eurasia's Eastern Steppe. *Cell*. Vol. 183, 890–904. DOI: 10.1016/j.cell.2020.10.015.
- Miller B.K., Furchholt M., Bayarsaikhan J., Tüvshinjargal T., Brandstätter L., Wright J., Ayush T., Wunderlich T. 2019. Proto-Urban Establishments in Inner Asia: Surveys of an Iron Age Walled Site in Eastern Mongolia. *Journal of Field Archaeology*. Vol. 44, 267–286.
- Pousaz N., Ramseyer D., Turbat Ts., Akeret O., Batsukh D., Dellea Y., Guélat M., Lopetz S., Seemeels S., Thorimbert S., Beyries S., Velay P. 2013. *L'Habitat Xiongnu de Boroo Gol: Recherches Archéologiques en Mongolie (2003–2008) Sous la Direction de Denis Ramseyer*. Gollion: Infolio.
- Ramseyer D. 2016. Role and Function of the Site of Boroo Gol (Töv, Mongolia). *Central Asiatic Journal*. Vol. 59, No. 1–2, 61–75.
- Renfrew C. 2008. The City through Time and Space: Transformations of Centrality. *The Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World*. Ed. by J. Marcus, J. Sabloff. Santa Fe: School for Advanced Research Press, 29–51.
- Smith M.E. 2016. How Can Archaeologists Identify Early Cities: Definitions, Types, and Attributes. *Eurasia at the Dawn of History: Urbanization and Social Change*. Ed. by M. Fernandez-Götz, D. Krause. Cambridge: Cambridge University Press, 153–168.

**TERELZHIN DURVULZHIN
AND OTHERS FORTRESS OF XIONGNU IN MONGOLIA:
PECULIARITIES OF FUNCTIONAL INTERPRETATION**

N.N. Kradin, A.L. Ivliev, S.A. Vasyutin, E.V. Kovychev,
A. V. Kharinsky, L. Erdenebold

The article deals with Terelzhin Durvulzhin materials and other similar sites with earthworks and platforms of Xiongnu period. The introduction characterizes written sources information about settled population, fortress, and settlements in Xiongnu Empire. To a limited extent, the development of arable farming is only possible near large rivers such as Selenga, Orkhon, Tuul. According to rough estimation, between 166 and 60 BCE, the Xiongnu captured about 150 thousand people as prisoners. The example of Xiongnu settlement is Boroo in Northern Mongolia. The main part of the article discusses the researches materials of the Russian-Mongolian mission to Terelzhin Durvulzhin in 2015–2016, describes construction peculiarities of the analyzed construction on the platform No 4. Roof tiles are main archaeological material obtained by excavation. The decoration of tiles reflects both Han traditions and topics specific for Xiongnu. Similarly, Han methods are combined with traits of Xiongnu pottery in technology of tile discs' production. An absence of traces of using the cloth covered mould is important peculiarity of the technology of Terelzhin Durvulzhin tiles' production. In China such technology of tile production without mould went out of use since middle of 2nd — 1st century B.C. All these facts enable us to date tiles of Terelzhin Durvulzhin to III–I centuries B.C. The Conclusion shows the functions of fortress in the Mongolian territory. As in Terelzhin Durvulzhin, there one can see hills — the remains of tiled buildings on platforms. In addition, gates and walls in the shape of a gallery were examined in the fortress of Gua Dov. However, these sites do not contain any cultural layer and artifacts. Apparently, life here was not too intensive. Scholars are trying to find out what they were: seasonal administrative residences, religious hubs or funeral structures? This mystery is waiting for its answer. We think it was a memorial building for important leaders of the Xiongnu Empire (as memorial complexes of Turkic khaganates).

Keywords: archaeology, Xiongnu, Mongolia, Terelzhin Durvulzhin, settlement, city.

REFERENCES

- Ankhubayar B. 2017. Khunnskoe poselenie v Zaan Khoshuu [Xiongnu Settlement in Zaan Khoshuu]. *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noy Azii* [Actual Questions of Archaeology and Ethnology of Central Asia]. Executive ed. P.B. Kononov. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 90–100.
- Davydova A.V. 1985. *Ivolginskiy kompleks (gorodishche i mogil'nik) — pamyatnik khunnu v Zabaykal'e* [The Ivolga Complex (Fortress and Cemetery) — the Site of the Xiongnu in Transbaikalia]. Leningrad: Izd-vo LGU.
- Davydova A.V. 1995. *Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks. T. 1. Ivolginskoe gorodishche* [The Ivolga Archaeological Complex. Part 1. The Ivolga Fortress]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Davydova A.V. 1996. *Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks. T. 2. Ivolginskiy mogil'nik* [The Ivolga Archaeological Complex. Part 2. The Ivolga Cemetery]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Davydova A.V., Minyaev S.S. 2003. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u sela Dureny* [The Archaeological Sites Complex in the Dureny Village Area]. Saint-Petersburg: Fond "Aziatika".
- Danilov S.V. 1998. Raskopki zdaniya na khunnskom gorodishche Bayan-Under v Dzhidinskom rayone Respubliki Buryatiya [The Excavation of Building in the Bayan-Under Xiongnu Fortress]. *Arkheologiya i Etnologiya Dal'nego Vostoka i Tsentral'noy Azii* [Archaeology and Ethnology of Far East and Central Asia]. Vladivostok: Institut istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN, 111–114.
- Danilov S.V. 2004. *Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noy Azii* [Towns in the Nomadic Societies of Central Asia]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN.
- Danilov S.V. 2011. Gorodishcha khunnu Mongolii i Zabaykal'ya [Towns of the Xiongnu in Mongolia and Transbaikalia]. *Khunnu: arkheologiya, proiskhozhenie kul'tury, etnicheskaya istoriya* [Xiongnu: Archaeology, Origin of Culture, Ethnic History]. Ed. by P.B. Kononov. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 15–30.
- Danilov S.V., Simukhin A.I., Tsydenova N.V. 2011. Cherepitsa iz khunnskogo gorodishcha Terelzhin-Dervelzhin [Tiles from Telerzhin Durvulzhin Xiongnu Fortress]. *Khunnu: arkheologiya, proiskhozhenie kul'tury, etnicheskaya istoriya* [Xiongnu: Archaeology, Origin of Culture, Ethnic History]. Ed. by P.B. Kononov. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 30–51.
- Danilov S.V., Imenokhiev N.V., Nanzatov B.Z., Simukhin A.I., Ochir A., Erdenebold L. 2016. Goroda epokhi khunnu na vostoke Mongolii [Xiongnu Towns in the East of Mongolia]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, vol. 17, 74–93.
- Ivliev A.L., Kradin N.N., Kharinskiy A.V., Ochir A., Vasyutin S.A., Kovychev E.V., Erdenebold L. 2017. Predvaritel'nye rezultaty issledovaniy khunnskogo gorodishcha Terelzhin-Durvulzhin [Preliminary Results of the Study of Xiongnu Fortress Telerzhin Durvulzhin]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, № 2, 118–136.
- Ivliev A.L., Kradin N.N., Vasyutin S.A. 2018. Cherepitsa gorodishcha Terelzhin-Dervelzhin, Mongoliya (po materialam raskopok 2015 g.) [Tiles of Telerzhin Durvulzhin Fortress, Mongolia (basing on Materials of Excavation in 2015)]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, vol. 20, 134–146.
- Kiselev S.V. 1957. Drevnie goroda Mongolii [Ancient Towns of Mongolia]. *Sovetskaya arkheologiya*, № 2, 91–101.
- Kononov P.B., Bazarov B.A., Miyagashev D.A., Klement'ev A.M., Imenokhiev N.V. 2016. Khunnskaya arkheologiya v Buryatii: istoriya i novyy etap issledovaniy [Archaeology of Xiongnu in Buryatia: History and New Phase of Research]. *Vestnik BNTs SO RAN*, № 1, 9–26.
- Kradin N.N. 2020. *Imperiya Khunnu* [The Xiongnu Empire]. 4th ed. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko.
- Kradin N.N., Bessonova E.A., Zverev S.A. 2016. Novye dannye o planigrafii Ivolginskogo gorodishcha [New Data about Planigraphy of Ivolga Fortress]. *Vestnik BNTs SO RAN*, № 2, 9–21.
- Kradin N.N., Ivliev A.L., Vasyutin S.A. 2018. Imperiya Khunnu i nachala stepnoy urbanizatsii [Xiongnu Empire and Beginning of the Steppe Urbanization]. *Trudy IV RAN. T. 7. Tyurkskie kochevniki v Azii i Evrope* [Proceedings of the Institute for Oriental Studies RAS, vol. 7. Turks nomads of Asia and Europe]. Moscow: IV RAN, 226–240.

- Kryukov M.V., Perelomov L.S., Sofronov M.V., Cheboksarov N.N. 1983. *Drevnie kitaitsy v epokhu tsentralizovannykh imperiy* [Ancient Chinese in the Period of Centralized Empires]. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury.
- Perlee Kh. 1957. K istorii drevnikh gorodov i poseleniy v Mongolii [On the History of Ancient Towns and Settlements in Mongolia]. *Sovetskaya arkheologiya*, № 3, 43–53.
- Perlee Kh. 1961. *Mongol ard ulsyn ert, dundan uuiyn khot suuring tovchoon* [Essay of the Ancient and Mediaeval Towns and Settlements in Mongolian Territory]. Ulaanbaatar.
- Sergusheva A.A., Prokopets S.D., Kradin N.N. 2020. Zemledelie naseleniya severnoy chasti imperii khunnu: arkheobotanicheskie issledovaniya na Ivolginskom gorodishche (predvaritel'nye rezul'taty) [Agriculture of the Population in Northern part of Xiongnu Empire: Archaeobotanical Researches in Ivolga Fortress (Preliminary Results)]. *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Samare* [Proceedings of the VI (XXII) Russian Archaeological Congress]. Vol. 2. Samara: SGSPU, 354–355.
- Taskin V.S. 1968. *Materialy po istorii syunnu* [The Materials on the History of the Xiongnu]. Iss. 1. Moscow: Nauka.
- Taskin V.S. 1973. *Materialy po istorii syunnu* [The Materials on the History of the Xiongnu]. Iss. 2. Moscow: Nauka.
- Taskin V.S. 1984 (trans.). *Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov gruppy dunkhu* [Materials on the History of the Ancient Nomadic Peoples Donghu]. Moscow: Nauka.
- Shavkunov E.V. 1973. Obsledovanie gunnskikh gorodishch v Mongolii [The Study of Xiongnu Fortress in Mongolia]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1972 g.* [Archaeological Discoveries in 1972]. Moscow: Nauka, 506–507.
- Eregzen G., Bayarsaykhan M., Aldarmonkh P. 2014. «Gua Dov» khemeekh Khynnygiyn khotyn tur'd khiysen arkheologiyn mallaga sudalgaany ur'dchilsan yr dyngees [Preliminary Results of the Archaeological Research Gua Dov Xiongnu Fortress]. *Mongolyn arkheologi — 2013 on: ShUA-iyn arkheologiyn khvreelengiyn 2013 ony kheeriyn sudalgaany yr dyn* [Mongolian Archaeology — 2013: Results of Field Studies of the Institute of Archaeology, Mongolian Academy of Sciences in 2013]. Ulaanbaatar, 42–47.
- Cowgill G. 2004. Origins and Development of Urbanism: Archaeological Perspectives. *Annual Review of Anthropology*, vol. 33, 525–549.
- Danilov S.V. 2011. Typology of Ancient Settlement Complexes of the Xiongnu in Mongolia and Transbaikalia. *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Ed. by U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie. Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 129–136.
- Erdenebaatar D., Iderkhangai T., Mijiddorj E., Orgilbayar S., Batbold N., Galbadrakh B., Maratkhaan A. 2015. *Investigation of Xiongnu elite burials Gol Mod-2 at Balgasyn Tal*. Ulaanbaatar.
- Hayashi Toshio 1984. Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu. *Bulletin of the Ancient Orient Museum*, vol. 6, 51–92.
- Jeong Choongwon, Wang Ke, Wilkin S., Erdene M., Hendy J., Warinner Ch. 2020. A Dynamic 6,000-Year Genetic History of Eurasia's Eastern Steppe. *Cell*, vol. 183, 890–904. DOI: 10.1016/j.cell.2020.10.015.
- Miller B.K., Furholt M., Bayarsaikhan J., Tüvshinjargal T., Brandtstätter L., Wright J., Ayush T., Wunderlich T. 2019. Proto-Urban Establishments in Inner Asia: Surveys of an Iron Age Walled Site in Eastern Mongolia. *Journal of Field Archaeology*, vol. 44 (4), 267–286.
- Pousaz N., Ramseyer D., Turbat Ts., Akeret O., Batsukh D., Dellea Y., Guélat M., Lopetz S., Seemeels S., Thorimbert S., Beyries S., Velay P. 2013. *L'Habitat Xiongnu de Boroo Gol: Recherches Archéologiques en Mongolie (2003–2008) Sous la Direction de Denis Ramseyer*. Gollion: Infolio.
- Ramseyer D. 2016. Role and Function of the Site of Boroo Gol (Töv, Mongolia). *Central Asiatic Journal*, vol. 59, № 1–2, 61–75.
- Renfrew C. 2008. The City through Time and Space: Transformations of Centrality. *The Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World*. Ed. by J. Marcus, J. Sabloff. Santa Fe: School for Advanced Research Press, 29–51.
- Smith M.E. 2016. How Can Archaeologists Identify Early Cities: Definitions, Types, and Attributes. *Eurasia at the Dawn of History: Urbanization and Social Change*. Ed. by M. Fernandez-Götz, D. Krause. Cambridge: Cambridge University Press, 153–168.